

ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ

22 февраля – День рождения Дмитрия Ивановича Архангельского – Человека, Художника, Учителя, Подвижника, Праведника в самом высоком значении этого слова, одного из главных творцов культуры Симбирского-Ульяновского края.

Об Архангельском-художнике можно говорить бесконечно. Его работы – настоящая песнь Родине, России. Как отмечал заслуженный художник РСФСР, лауреат Государственной премии имени Репина Виктор Васильевич Киселёв, который называл Архангельского учителем, другом и просто дядей Митей, *«<...> в жизни Дмитрий Иванович всегда видел красоту и радость. Искусство его было правдивое, радостное, солнечное, светилось искренностью и простотой»*.

Деревня Поливна Симбирского уезда 1910-е гг.

Знаменательным в творческой биографии художника стал 1908 год, который он называл счастливым. Выставочная комиссия губернской сельскохозяйственной выставки, где в художественном отделении впервые были представлены работы Архангельского, присудила ему серебряную медаль за картину «Беяны на Волге», а полотно приобрели для частной коллекции. Многие этюды автора были проданы состоятельным симбирянам.

Старшая дочь Архангельского, Галина Дмитриевна Невзорова, спустя годы писала: *«Не перестая удивляться, как внезапно, как ярко вспыхнул талант Дмитрия Ивановича на самом перепутье жизни. И как нужно благодарить судьбу за то, что он стал художником, что послушался зова сердца своего. И тут нужно сказать, что именно*

акварель сопровождала успеху отца, он прославился именно акварельными пейзажами. Именно акварель давала то неповторимое, что есть в его пленительных пейзажах: нежность, задушевность, живой трепет, очарование. Порой где-то недоказанность, намёк творили чудеса. И масляными красками Дмитрий Иванович немало работал, выполнял пейзажи, и были удачи, однако того обаяния, что в его акварельной живописи, не было».

Популярность талантливого художника в городе растёт. 1920-е годы – один из самых плодотворных периодов в его творчестве.

Смоленский спуск летом 1920-е - начало 1930-е гг.

10 января 1926 года газета «Пролетарский путь» публикует статью А.В. Швера «У художника Д.И. Архангельского»:

«Где-то в конце Шатальной [ныне ул. Корюкина – В.К.], в снежных сугробах, спрятался маленький покосившийся домик <...>. В этом домике живёт наш ульяновский с головы до ног и сердцем и мыслью художник Д.И. Архангельский. Я его видел на улице, я его видел на выставках. Везде он горит, везде он такой простой и вдохновенный, вечно говорящий об искусстве, о природе, красоте, вечно готовый помочь каждому и всякому чем угодно. Но я его не видел в домашнем быту, в его мастерской, не видел за творчеством.

На днях, в снежный вечер, пришлось у него быть. С трудом отыскал его домик, постучал щекоткой о некрашеную дверь. Мне отперли. Навстречу сам хозяин, в холщовой рубашке, в стареньких штанах, заправленных в сапоги. Из тёмных сеней попадаю прямо в мастерскую (она же, видимо, и спальня). Серые, оклеенные старыми обоями стены,

увешенные произведениями художника, старинным фарфором, уставленные шкафами, ящиками, полками. У печки простая железная кровать, покрытая серым одеялом – кровать казарменного типа. В комнате прохладно... Вот обстановка, в которой живёт и работает художник. Не ахти как удобно, если не сказать больше, что просто трудно в такой обстановке творить. Но, может быть, это утверждение верно ко всем другим, но не к Архангельскому. Он не привык работать в хороших условиях. Я его помню в эпоху гражданской войны, в дни голода, когда работники искусства меньше всего думали об искусстве, вот тогда-то Дмитрий Иванович всегда был с карандашом и бумагой, всегда работал.

А теперь, что и говорить – из-под его кисти с молниеносной быстротой вылетает пейзаж за пейзажем. Это какая-то фабрика прямо. Передо мной его этюды – работы этого года. Их около или больше сотни. Все они горят солнцем, плещут радостью, жизнью, все они на такие родные, знакомые темы. У Архангельского прежде всего Волга, Волга с весёленькими парходиками, Волга солнечная, голубая Волга у Ульяновска, Волга в Жигулях, Волга с лесами, садами и городами. Затем наш город. Опять всё в солнце, или заходящем, или восходящем. Тут и старина, тут покосившиеся избышки, тут зелёные улицы... Смотришь на эти этюды и читаешь и историю, и жизнь Ульяновска. Он как на ладони. А дальше идёт деревня, с соломенными крышами, с просёлочными дорогами, с мельницами и мостами. Эти три темы – любимые темы художника. Город, деревня, Волга. Деревня, Волга, город. Волга, город, деревня – везде, во всём и пока всегда. Он не портретист, у него мало, или совсем нет живых людей, но его искусство заключается в том, что мёртвое умеет делать живым.

Архангельский – художник-самородок. <...> был ли за всю историю Симбирска хоть один художник, так ярко и многоцветно отразивший в своём творчестве и город и губернию. Нет, не было. Так почему же первому певцу, первому художнику-поэту не дать шире дорогу, не обратить на его двадцатилетнее творчество более серьёзно внимание, не быть ему благодарным за то, что он, голодая и до сих пор живя впроголодь, с редкой в наше время бессеребрённостью, необычайным стоицизмом творит не ради славы, не ради денег, а ради самого творчества, из-за любви к нашим полям, лесам и сёлам».

Смоленский спуск зимой 1910-е - начало 1920-х.

И ещё одна публикация в газете «Пролетарский путь» - за 27 октября 1933 года **«Мастер волжского пейзажа (Юбилей художника Дмитрия Ивановича Архангельского)»**:

«Исполнилось 25 лет художественно-педагогической деятельности известного ульяновского художника Дмитрия Ивановича Архангельского. Этот юбилей – итог большой и плодотворной работы в самых разнообразных областях искусства и педагогики.

Художник-акварелист и педагог Архангельский в то же время отдаёт себя популяризации искусства, гравюре, архитектуре, краеведению, методике ИЗО и публицистике. В каждую из перечисленных областей Д.И. сумел внести подлинно творческий энтузиазм. Как пейзажист Архангельский стоит на высокой ступени художественной культуры. Работы его отмечены оригинальной смелостью кисти.

Волжский пейзаж – лейтмотив творчества художника. Большое внимание уделяет он и архитектурному пейзажу. В период социалистической реконструкции, когда меняется лицо городов, архитектурный пейзаж приобретает особое документальное значение. То, что зарисовано Архангельским: старый лже-ампир, претензионный купеческий модерн, мещанский индивидуалистический стиль замкнутых коробочек-флигельков – это то, что будет сравнивать потомство со своей современностью. С этой стороны творчество Д.И. имеет несомненное общественно-историческое значение.

На маленьких кусочках простой александрийской бумаги художник сумел запечатлеть почти все интересные уголки города и его

окрестностей. Плодотворность работы Д.И. изумительна: он ухитряется набрасывать пейзаж в перерыве между уроками или по дороге в школу.

Участник многих выставок Д.И. заслужил на них достойное внимание. Помимо акварели художник занимался графикой и гравюрой. Чётко и выразительно выглядят его работы пером. Техника рисунка стоит на той же высоте мастерства.

Этнографические эскизы Д.И. (национальные костюмы, резьба по дереву и пр.) сделаны с редким художественным мастерством.

Плодотворной работе Д.И. многим обязаны искусство и школьное дело в Ульяновске. Нельзя не высказать пожелания об устройстве при местном музее камерной выставки – доклада Д.И. Эта выставка может носить и художественный и школьно-методический характер». И.К.

Искусствовед Д. Сарабьянов очень точно определил особенность творчества художника: *«Симбирск и новый Ульяновск нашли в лице Архангельского своего внимательного и трудолюбивого летописца».*

Известный ульяновский краевед и общественный деятель Александр Николаевич Блохинцев в очерке **«Художник-просветитель»** отмечал: *«Трудно сказать, что было важнее в жизни Д.И. Архангельского: его деятельность как собственно художника или поистине подвижнический труд неустанного краеведа-исследователя и энергичного пропагандиста прекрасного, учителя эстетических чувств у сотен своих питомцев».*

М.Ф. Григорьев, бывший ученик Архангельского, знаток и любитель живописи, признавался: *«У меня в жизни было много людей чему-то меня учивших, наставлявших. Я, к сожалению, не могу припомнить и сказать точно, кто меня выучил грамоте, кто посвятил в таинство арифметики; <...> но любовь к искусству, к художественному образу, к дождевой капле, которая может сверкнуть бесценным бриллиантом на зелёной травинке, к наивному узору мордовской вышивки, к старинной церковке в заволжских далях, к обломку белого камня со следами резного орнамента – вот эта любовь у меня в памяти неразрывно сливается с Вашим образом, Дмитрий Иванович. В моём восприятии искусства, в моём отношении к искусству я всегда чувствую и помню Вашу руку, которая ввела меня впервые в этот волшебный и загадочный мир <...>, храню в душе своей Вами посеянные семена любви к прекрасному».*

И подобных писем от бывших учеников – сотни.

Академик живописи, народный художник СССР А.А. Пластов именно Д.И. Архангельского называл первым, как только заходила речь о начале собственного пути в искусстве, и был благодарен Учителю за то, что тот научил его любить искусство, понимать его, жить им, каждую минуту своего бытия видеть в нём смысл жизни.

Дмитрий Иванович Архангельский не только тонкий художник и неутомимый пропагандист искусства, но и талантливый педагог-методист, увлечённый краевед и этнограф, вдумчивый историк, страстный коллекционер.

Волга под Симбирском. Косовая под парусом. 1925г.

Невозможно перечислить всё то, что входило в круг интересов художника и на протяжении всей жизни любовно собиралось и хранилось им, а теперь широко используется во всех направлениях музейной деятельности Ленинского мемориала. Личный фонд Д.И. Архангельского, сложившийся благодаря внучке художника Натальи Андреевны Мешалкиной, хранительнице огромного творческого наследия дедушки – настоящая золотая кладовая музейного собрания.

Обширность и значительность сделанного Д.И. Архангельским за его долгую жизнь не может заслонить главного в его наследии – многих сотен листов акварелей. С течением времени, когда старая школа

акварели почти исчезла, драгоценная неповторимость, уникальность его работ становится всё более очевидной.

Московская улица. Пуск к Свяяге. 1920-е.

Г.Д. Невзорова писала: «Его акварели заставляют переживать и волноваться, и радоваться, загрустить порой и вдруг напомнят что-то такое родное, что защемит сердце. Краски этих акварелей могут звучать как музыка, потому что они положены рукой художника, который познал назначение своего призвания».

«Отец всегда считал себя счастливым человеком, и в 90 лет он ежедневно писал акварели, а карандашом рисовал до последних дней.

Недавно я читала Паустовского. В его произведениях нашла строки, которые целиком можно было бы отнести к дорогому и любимому моему отцу: «При созерцании прекрасного возникает тревога, которая предшествует нашему внутреннему очищению. Будто вся свежесть дождей, ветров, дыхания цветущей земли, полуночного неба и слёз, пролитых любовью, проникает в наше благодарное сердце и навсегда завладевает им». А творчество Дмитрия Ивановича имеет ещё особенность - задушевность, тепло душевное и детскую радость бытия, которую он отдавал людям».

В.М. Костягина –

старший научный сотрудник отдела фондов